

18+

Эразм
Роттердамский

Словарь
глупости

перевод
Алексея Козлова

Эразм Роттердамский
Похвала глупости

«Издательские решения»

Ротердамский Э.

Похвала глупости / Э. Ротердамский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500871-8

Знаменитое антиклерикальное сочинение Эразма Ротердамского «Похвала Глупости» в адаптированном переводе Алексея Козлова.

ISBN 978-5-00-500871-8

© Ротердамский Э.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	8
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	12
Глава VI	13
Глава VII	14
Глава VIII	15
Глава IX	16
Глава X	17
Глава XI	18
Глава XII	19
Глава XIII	20
Глава XIV	22
Глава XV	23
Глава XVI	25
Глава XVII	26
Глава XVIII	27
ГЛАВА XIX	28
Глава XX	29
Глава XXI	30
Глава XXII	31
Глава XXIII	32
Глава XXIV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Похвала глупости Эразм Роттердамский

Алексей Борисович Козлов *Дизайнер обложки*

Алексей Борисович Козлов *Переводчик*

© Эразм Роттердамский, 2019

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2019

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-0871-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эразм Роттердамский своему милому Томасу Мору – с приветом!

Не так давно, во время моего путешествия из Италии в Англию я почёл, дабы время, которое я проводил в седле, не тратилось впустую на досужие сплетни, чуждые свободному вдохновению, и литературе, и либо вспоминал о нашем общем учёном времяпровождении, либо наслаждался воспоминаниями, воскрешая в памяти покинутых друзей, столь просвещённых, сколь и милых моему сердцу. Среди них ты, мой добрый Мор, представлялся в числе излюбленных, и здесь, находясь вдали от тебя я тем не менее чувствовал, что ты становился всё ближе, чем дальше я удалялся от тебя, и наше былое общение при этом становилось всё ценнее и желаннее, пока не стало для меня весомее всего, что я знал в жизни.

И потому, убедившись, что надо что-то делать и что время не годится для серьёзных дел, я решил подшутить над Глупостью.

«Какая Афина вбила тебе это в голову?» – наверняка спросишь ты меня. Во-первых, меня навело на эту мысль сама твоя фамилия, Мор, столь же близкая к слову *Moriae* (глупость), сколь и противная тебе, ибо, по общему мнению, Ты и Глупость – обитатели разных планет. Во-вторых, я предполагал, что это упражнение в остроумии будет не в последнюю очередь одобрено тобой, ибо ты всегда любил шутки, схожие с этими, резкие и полные соли – в твоей жизни они играли всегда ту же роль, что и в жизни Демокрита. И хотя превосходство твоего ума всегда было таково, что оно противоречило суждению грубых простолюдинов, но такова твоя непредставимая приветливость и кротость характера, что ты можешь легко и с удовольствием снисходить и до средних умов, составляющих большинство любого народа. А посему, я думаю, ты не только с благосклонностью воспримешь эту мою ораторскую безделицу, как память о друге, но и примешь её под своё крыло. С сего дня, посвященная одному тебе, она уже не только моя, но и твоя. Но, может быть, сразу отыщутся критики, которые предадутся придирам и станут обвинять меня, отчасти в том, что крылатые эти шутки вовсе не к лицу божественной теологии, что они более язвительны, чем позволяет христианская скромность, может так случится, что меня даже обвинят в том, что мной вокрешена античная комедия или, вдохновившись Лукианом, я высмеиваю здесь всех подряд. Единственным моим оправданием для тех, кого возмутит легковесность предмета и комический характер изложения, будет напоминание, что я лишь следовал примеру целого ряда великих писателей.

Сколько веков тому назад Гомер воспел, Марон – комара и чесночный пирог, Овидий – орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил *войну мышей и лягушек*

Исократ, Главк восхвалял судебный беспредел, Фаворин – уродство и лихорадку, Синесий—

лысину, Лукиан – муху и блоху, Сенека сочинил шуточный Клавдия, Плутарх -разговор Грилла с Улиссом, Лукиан и Апулей – похождения осла и уже не помню кто – завещание поросенка по имени Хрюнний Корокотта, о чем упоминает ещё святой Иероним. *анофеоз*¹

А потому, если им угодно, пусть они думают, что я играю за столом в бирюльки или если им так больше нравится, что я езжу верхом на швабре.

Ибо не является ли несправедливым, что, когда мы позволяем любому простолюдину играть в те игры, в какие ему нравится играть, мы не позволяем играть в них учёному мужу, особенно когда такие игрушки не лишены серьезности, а дурачество разыгрывается так, что и совсем тупоголовый читатель может извлечь из него больше пользы, чем из нагромождённых и хитровывернутых доводов некоторых людей? Например, когда один, долго и усердно

занимаясь, складывает воедино множество фрагментов, восхваляя риторику или философию, второй слагает панегирик князю, третий побуждает его к войне с турками, четвёртый пророчит, что станет с миром в будущем, а пятый находит какое-нибудь новое средство для лучшей выделки козьей шерсти. И если нет большей чуши, чем относиться к серьёзным вещам как к пустяку, так же точно ничто не несёт в себе большего изящества, чем с серьёзностью рассуждать о пустяках, как делает человек, для которого иная чушь – серьёзнее серьёзного.

Хотя, если только чрезмерное самомнение не ослепит меня в моем собственном деле, я готов восславить глупость, что вовсе не глупо!

Что же касается упрёка в излишней моей кусучести, то скажу лишь, что эта свобода выражаться резко всегда была свойственна всем развитым людям, чтобы они могли публично озвучивать свои умные, остроумные размышления об общих ошибках человечества, и эта свобода не может никого обидеть, если не переходит в распущенность и словесный блуд.

Что-то заставляет меня всё больше восхищаться нежными ушами современников, которые способны выносить только торжественные титулы!

Да, вокруг ещё можно встретить массу таких хитромудрых богомолков, которые скорее стерпят самую свирепую хулу на Самого Христа, чем будут терпеть сквернословие на папу и государя, особенно если это касается их собственного кармана.

Но если кто-то показывает жизнь людей такой, какая она есть на самом деле, не называя никого конкретно, почему, скажите мне, должно видеть в этом издёвку и поношение, а не наушение и пример? А знаете ли вы, сколькими укорами при этом я сам себя терзаю?

И, наконец, тот, кто не щадит ни званий, ни лиц рода

людского, тот ясно показывает, что он не против частных лиц, а только против общественных пороков, против которых он восстаёт. Итак, если кто-нибудь станет вопить, что его укусили, он обнаружит этим только свою вину, нечистую совесть или страх перед истиной. Иероним щеголял правдой в этом роде с большей свободой и куда большей остротой, не щадя иногда самого человеческого племени! Осмелюсь подчеркнуть, что я не только избегал повсеместно имён собственных, но даже более того, всячески старался умерить свой ехидный слог, дабы разумному читателю сразу же стало понятно, что я устремлён скорее к естественному смеху, чем к натужному злословию. И я, по примеру Ювенала, не здесь не разгребал эту запущенную, зловонную клоаку пороков и пошлости, стремясь представить перед вами вещи скорее смешные, чем отвратительные.

А теперь, если остался здесь кто-нибудь, кто ещё чем-то недоволен, пусть на худой конец вспомнит, что нет ничего стыдного в том, чтобы быть атакованным Глупостью, которую я привлек в наш разговор, стараясь донести до вас величие речений этой особы. Но к чему я пересказываю тебе всё это, человеку знающему, столь превосходному в адвокатской практике, что ни один человек не может лучше защитить своего клиента, даже если дело почти безнадежное! Прощай же, мой прекрасноречивейший Мор, лучший в мире оппонент, будь здоров ии всегда стойко защищай своих славных глуповчан из Мории!

Писано в деревне, 10 июня 1508 г.

Глава I

Глупость начинает чревоуещать и одним своим видом навеивает успокоение на слушателей

Что бы ни говорили обо мне в мире всякие тупорылые дурни (ибо я знаю, как дурно отзываются обо мне глупцы, даже самые глупые из глупейших), и все же Я – то, что я есть, Я – то, чья божественная сущность создала всех богов, и людей, какие когда либо жили на Земле.

И это уже само по себе является достаточным аргументом, чтобы я появилась здесь перед вами. Не успела я ещё и рта открыть, чтобы выступить перед вашим Почтенным собранием, как все ваши лица приобрели какую-то новую и непривычную приятность, как все повеселели и оживились. Посмотрите, как все вы так внезапно просветлели лицами и каким весёлым и сердечным смехом приветствовали меня целым шквалом аплодисментов. Поверхностный взгляд, по правде говоря, на всех вас, тех, кого я вижу вокруг себя, утверждает мне, что тут собрались не кто иные, как гомеровские боги, опьяненные сладким хмельным нектаром и божественным настоем, тогда как совсем незадолго до этого вы сидели такие неуклюжие и задумчивые, как будто пришли посоветоваться с оракулом. И как это обычно бывает, когда Солнце только готовится свить свой сияющий лик, или когда после холодной зимы дыхание Весны снова оживляет землю, благодаря чему все вещи немедленно обретают новый лик, новое цветение и снова становятся молодыми, подобным же образом, только взглянув на меня, вы в одно мгновение приобрели другое выражение лиц. И то, что иные знаменитые риторы с трудом достигают долгами, утомительными и тщательно заготовленными речами, Я достигла самым фактом своего появления!

Глава II

Глупость продолжает свои божественные речения.

Но если вы спросите меня, почему я предстаю перед вами в таком странном виде, навестрите-ка получше ваши ушки, и послушайте внимательно, и вот что я вам скажу: не те уши, я имею в виду, какие вы приклеиваете к голове, когда идёте в церковь, но те, какие у вас за пределами церкви, большущие, красные, мясистые, те, какими вы имеете обыкновение слушать комических певцов, те, какие вы обычно обращаете к площадным жонглёрам, уличным дуракам, заговаривающимся и брызгающим слюнями юродивым и рыночным скоморохам, или такими, какие наш друг Мидас сразу бросал в кастрюлю. Ибо сегодня я склонен некоторое время играть с вами в софиста, но только не такого, какие в наши годы изголяются над пустыми головами подростков, набивая их всякой мусорной ерундой и любопытными пустяками, научая искусству кухонной брани и уподобляя сварливым глупым базарным бабам. Отнюдь нет, я буду подражать тем древним, которые, дабы лучше избежать позорных прозвищ типа Софии или Уайза, предпочли называться софистами. Их делом было прославлять богов и возвеличивать доблестных людей. И подобную похвалу вы услышите от меня, но не в адрес какого-нибудь Геракла или Солона, а в адрес самой себя, то есть Божественной Глупости!

Глава III

В коей Глупость продолжает нахваливаться Себя.

Пусть глупцы почитают несусветной глупостью превозносить Самого Себя, как это делаю я, это их дело! Кто может знать меня лучше, чем я сама и посему кому как не мне самой надлежит наилучшим образом наигрывать на трубах славы и флейтах уважения?

Хотя все же я думаю, что мои самовосхваления несколько скромнее, чем обычная практика наших дворян и мудрецов, которые, отбросив всякий стыд, нанимают какого-нибудь льстивого оратора или лживого поэта, из уст которого они могут непрерывно слышать лживые похвалы себе, то есть всякую несусветную чушь!

И все же, с кажущейся скромностью, они расправляют свои павлиньи перья и поднимают петушиные гребни, а этот наглый льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам и предлагает его как абсолютный образец всех добродетелей, совершенно ему чуждых, наряжает жалкую сойку в чужие павлиньи перья, отмывает чёрного мавра добела и, наконец, раздувает комара до размера слона. Короче говоря, я буду следовать старой поговорке, которая говорит: «Хвали себя вдали от соведей!» Хотя, между прочим, я не могу не удивляться неблагодарности, или, скажем так, или небрежности людей, которые, несмотря на то, что они почитают Меня в первую очередь и готовы признаться в моей благодетельной щедрости, всё же ни один из них за все эти века не произнес ни одной благодарственной речи, восхваляющей глупость.; когда еще не было недостатка в тех, чьи изощренные усилия превозносили тиранов, лихорадку, мух, облысение и других подобных вредителей природы до потери пульса и сна. А теперь вы услышите от меня простую импровизированную речь, но тем более правдивую.

Глава IV

Импровизированная речь Глупости.

Я не хочу, чтобы вы думали так, как другие ораторы, созданные для хвастовства остроумием. ибо, как вы знаете, когда они уже лет тридцать расшибают голову о какую-нибудь речь и наконец, собравшись духом, произносят нечто такое, что никогда не было их собственным изобретением, они всё же клянутся, что сочинили ее за три дня, да и то для развлечения; в то время как мне всегда больше нравилось говорить то, что выходило прямо сейчас.

Но пусть никто из вас не ожидает от меня, что я, подобно риторам, стану определять, кто я такая, не говоря уже о том, чтобы прибегать к какому-либо делению, ибо я считаю столь же неудачным ограничивать Силу и влияние той, чья божественность универсальна, или разделять всех в том, в чём все единодушно слиты. Или с какой целью, думаете вы, я должен описывать свою тень, когда я здесь, перед вами, и вы слышите сами, что я говорю? Ибо я, как вы видите, та истинная и единственная дарительница богатства, которую греки называют Мория, латины – Стультиция, а наши простые англичане – просто Глупостью.

Глава V

Сан Глупости сам всё скажет.

Зачем вам так много слов, если одного моего взгляда вполне достаточно, чтобы понять, кто я? Или как будто кто-нибудь, приняв меня за мудреца, не может с первого взгляда по моему лицу и сану убедиться в истинности моего ума? Я не подделка, и в моей внешности содержится то же, что и в моей груди. Нет, я во всех отношениях всегда остаюсь самой собой до такой степени, что меня не могут обмануть и те, кто присваивают себе внешность и титулы мудрецов и меж тем ходят как ослы в Алых капюшонах, хотя после всего их лицемерия уши Мидаса выдают ничтожество их хозяев. Самое же неблагодарное поколение людей, те, которые по виду полностью преданы моей партии, а втайне всё же публично стыдятся моего имени, принимая его за упрёк, по этой причине, поскольку на самом деле они глуповцы, глупцы, хотя хотят казаться миру мудрыми людьми и Фалесами, мы же назовем их мудроглупами или премудрыми глупцами.

Глава VI

Глупость, подражающая древним риторам.

Не лишним будет вам также подражать риторам нашего времени, которые считают себя богами, если только они, подобно лошадиным пиявкам, захотят казаться двуязычными, и верят, что они совершили великий поступок, если в своих латинских речах они способны лишь перетасовать несколько цитат из греческого или латинского, и сделать из них мозаичный салат, хотя и в целом и в мелочах это едва ли кстати. А если им нужны жесткие тезисы, они перебирают какой-нибудь изъеденный червями манускрипт и выбирают с полдюжины самых старых и устаревших пословиц, чтобы сбить с толку своего читателя, полагая, без сомнения, что тем, кто понимает их смысл, они понравятся, а тем, кто ничего не понял, тем лучше, чем меньше они поймут. И они всегда будут восхищаться чужеродным, ибо самые честолюбивые из них будут бурно аплодировать с улыбкой и, подобно ослу, трясти ушами, чтобы им казалось, что они понимают больше, чем остальные.

Глава VII

Выявление родословной Глупости

Но, чтобы плавно подойти к цели: я выдала вам свое имя, но какой эпитет я должна добавить к нему? Какой же как не самый глупый? Ибо каким ещё именем может быть названа столь великая богиня, как Безумие пред её учениками? И поскольку не всем известно, из какого рода Я произошла, с позволения Муз, я сделаю всё возможное, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Но все же ни первичный Хаос, ни Орк, ни Сатурн, ни Иафет, ни кто-либо из этих изношенных, заплесневелых богов не были моими отцами, но Плутос, кого нужно счесть по богатству своему, вопреки Гесиоду, Гомеру и даже самому Юпитеру – *divum pater atque hominum rex*, (небесный отец и царь людей). По его единственной мании, как прежде, так и теперь, все священное и мирское существует и переворачивается вверх тормашками. По его мании существуют удовольствия, войны, мир, развиваются империи, советы, суды, собрания, брачные союзы, сделки, лиги, законы, искусства, все вещи легкомысленные или серьезные – простите, дыхания не хватает перечислять, в общем все общественные и частные дела человечества. Без помощи его все это рыгочущее стадо богов, сотворенное поэтами, и те немногие из них, каких можно вообще уважать, едва ли бы уцелели, либо, если бы они уцелели, пребывали бы в самом жалком и ничтожном состоянии. И даже если бы он был врагом всем, сама Паллада была бы ему другом; напротив, тот, кому он благоволит, у того сам Юпитер с его громами на коротком поводке. Это мой отец, и только им я славна! Он не породил меня, выделив из своего мозга, как Юпитера произвёл эту кислую и дурно пахнущую Палладу, но произвёл от этой прекрасной нимфы, называемой Неотетой, самой красивой и очаровательной из всех нимф. Я не была как тот хромой кузнец, рождена в печальных и тягостных узах брака, а родилась, как цветок свободной и сильной любви. И все же, не поймите меня превратно, мой отец тогда был не тем слепым и дряхлым Плутом, каким он представлен у Аристофана, а божеством в полном расцвете сил и цветущей юности, и это, вкупе с тем, что он в то время, был накачан хмельным, солнечным нектаром, которым он наклюкивался до чёртиков на бражных пиршествах богов.

Глава VIII

Продолжение родословной глупости

Что же касается места моего рождения, то, поскольку в наши дни оно считается главным предметом благородства, то я отвечу – я не родилась подобно Аполлону, на плавучем Делосе, или подобно Венере в плещущихся волнах, или в пещерах слепого Гомера, но родилось на Счастливых Островах, где ни сеют, не пашут, не куют, а только собирают и поют – баклуши бьют, где ни о труде, ни о старости, ни о болезнях никогда и духом не слышали, и на чьих полях никогда не растут ни редьки, ни морквы, ни лук, ни бобы, ни другие презренные покойники растительного мира, а, напротив, рута, анжелика, баглосс, майоран, трилистники, розы, фиалки, лилии и все остальные нежные обитатели садов Адониса, радующие зрение и радующие нюх. И, родившись таким образом, я не пришла в мир, как все другие дети, с воплями и плачем, но прямо взгромоздилась на грудь и во весь рот улыбнулась моей матери. Не завидую я ничуть великому Юпитеру, вскормленному козлом, потому что меня вскормили две весёлые пьяные нимфы, а именно Мета, дочь Бахуса, и Апеда, дочь Пана. Они всегда бродят вместе со мной за компанию!

Глава IX

Напарники Глупости

И если вы хотите знать, кто они, эти великолепные парестникик Глупости, моя свита, и не хотите выглядеть мудрее меня, зовите их по-гречески: они все здесь, улыбающиеся и горделивые, – это Филутия, Самолюбивица, вот та, с улыбающимся лицом, что всё время хлопает в ладоши, – это Колакия, Льстивка, та, что словно находится в забытьи полусна – Лета, Забывица, та, что сидит, опершись на локти и сцепив руки, – это Мисопония, Ленивица, о, а эта с гирляндой на голове, так сильно благоухающая благовониями, – это Гедона, дитя наслаждения, а вот та, с пристальным взором, и глазами, за которыми не уследишь – это Анойя, Безумица, с гладкой кожей и полным изнеженным телом – Трифона, Распутница, а что касается двух богов, которые затесались меж ними, суча ногами, то один из них – Комос, Невоздержаник, а другой – Негритос Гипнос, Мертвосонник. Они, говорю я вам, мои домашние слуги, и благодаря их верным советам я подчинила всё в мире своей власти и воздвигла империю над самими императорами. Так что ты наконец узнал мое происхождение, образование и спутников, мой любознательный дружок?

Глава X

Чем люди обязаны Глупости?

А теперь, чтобы вам не показалось, будто я беспричинно и нагло приняла на себя имя Богини, раскройте пошире уши и внимайте, а я расскажу, как далеко простирается моё божественное право и какую пользу я принесла как богам, так и людям. Ибо, если сказанное иными благоразумно, что только Богам предписано помогать людям, и если те, кто первыми принесли хлеб и вино и другие блага людям, заслуженно причислены к числу богов, то почему для общего блага человечества не признать меня, принёсшей всем ещё больше благ, Альфой и Омегой всех Богов, стоящей выше них всех?

Глава XI

Чем люди обязаны Глупости?

Во-первых, что может быть милее и драгоценнее жизни? И всё же от кого, как не от меня, можно сказать, она происходит? Ибо ни копьё Паллады, любимое дочери отца, ни щит Юпитера, собирающий облака, не порождают и не размножают человечество, но даже он сам, отец богов и царь людей, от одного взмаха которого трясутся небеса, должен иной раз расставаться со своим бухающим громом и теми испепеляющими взглядами, которыми он побеждал великанов и которыми, по своему желанию, пугал остальных Богов, и, подобно обыкновенному актеру, переодеваясь всякий раз, когда нужно было делать то, что время от времени делают все, то есть клепать детей. Покажите мне одного из тех, кто так не думает, нет, самого фанатичного фанатика секты Твердолобых, и если он не сбросит бороду, знак качества мудрости, хотя носить бороду скорее свойственно козлам, но покажите мне того, кто, по крайней мере, в этот момент не расстанется с высокомерной серьёзностью, не разгладит лоб, стряхнув с себя жёсткие принципы и в течение некоторого времени не предастся акту безумия и старческого слабоумия. Короче говоря, любой мудрец, кем бы он ни был, если он захочет иметь детей, должен обратиться ко мне. Но скажите мне, умоляю вас, есть ли человек, который подставил бы свою шею под ярмо брака, если бы он, как и подобает мудрецу, сначала взвесил все минусы этого ужасного предприятия? Или какая женщина пошла бы на это, если бы всерьёз задумалась об опасности деторождения или о трудностях воспитания детей? Итак, если вы обязаны своим существованием браку и размножению, то вы обязаны этим браком моему последовательному безумию, а что вы по гроб жизни мои должники, я уже сказала вам. Осмелюсь утверждать, что если самый измудрившийся мудрец вознамерится стать отцом, ему всё равно придётся обратиться ко мне. Я скажу ещё откровеннее! Опять же, та, что только однажды попробовала родить, стала бы повторять это ещё раз, как вы думаете, если бы не мой другой спутник – глазазапорашивающая Лета? Нет, даже сама Венера, что бы там ни долбил об этом Лукреций, не стала бы отрицать, что все её добродетели хромы, косы и бесплодны без помощи моего божественного участия. Ибо из этой маленькой, странной, смешной Майской игры вышли высоколбые философы, повелением времени сменившиеся монахами, кардиналами, священниками и святейшими папами. И, наконец, весь этот сброд богов поэтов, которым так забиты и переполнены небеса, заполонил всё вокруг, да так, что, хотя небеса и столь обширны, они едва ли способны разместить всех возжаждавших.

Глава XII

Чем люди обязаны Глупости?

Но я думаю, что все эти напоминания, что все обязаны началом своей жизни мне – сущие пустяки перед более важным, и я согрешу против истины, если я не покажу вам также, что любая польза, любое удовольствие, которое вам выпало в жизни, также является моим даром. Что это? И как я могу доказать вам это? Можно ли это назвать жизнью то, в чём нет никаких удовольствий? О! Вам нравится то, что я говорю? Я знала, что ни у кого из вас не может быть так мало ума, или столь много глупости, или, вернее, мудрости, чтобы иметь другое мнение. Ибо даже сами стоики, так сурово призывавшие к отказу от удовольствий, лишь изрядно лукавили и поносили их перед простыми людьми ни с какой иной целью, кроме как для того, чтобы, отговорив их от удовольствий, самим предаться им с ещё большим энтузиазмом. Но скажи мне, клянусь Юпитером, что останется от человеческой жизни, кроме скуки, раздражения, пошлости, горестей, если она ни приправлена удовольствием, то есть глупостью? Как не сослаться на свидетельство божественного Софокла, сделавшего мне потрясающий комплимент словами:

Но давайте рассмотрим всё это в деталях!

«Ни о чём не думай и будешь счастлив!»

Глава XIII

Тождество Глупости с детством и старостью

И, во-первых, кто не знает, что младенчество человека – самая веселая часть жизни для самого человека и самая докучливая для окружающих? Ибо что есть в детях такого, что мы целуем их, обнимаем, лелеем, что они приятны даже врагам? Что это такое, как не это колдовство глупости, которое мудрая Природа намеренно привела в мир вместе с ними, чтобы они могли более приятно пройти через ярмо воспитания? Что может льстить и принуждать к заботе и усердию воспитателей и кормилиц? И потом настаёт юность, которой всяк потакает, всяк благоволит, везде она пользуется почётом, и так же все люди благоволят к ней, учатся продвигать ее и протягивают ей руку помощи? И откуда, о, ответьте мне, вся эта благодать? Откуда, как не от меня? Чьей только добротой не пользуется юность, когда она не слишком умничает, не очень выпендривается, тогда как по мере того, как юноша становится старше и умудрённее, сообразуясь со своим опытом и воспитанием, как потихоньку начинает утрачивать своё очарование, красоту, привлекательность и силу. Печальная картина. Чем более юность начинает презирать меня, отталкивать меня, удаляться от меня, чем меньше остаётся человеку отпущенной жизни, тем тягостнее нависающая над ней тень скучной, серой старости, и так до конца, когда она становится противной не только окружающим, но и мерзкой самой себе. И старость была бы совершенно невыносима, если бы я не устремлялась всегда ей на выручку. И поскольку поэтические боги имели обыкновение помогать тем, кто умирал, совершая с ними какую-нибудь приятную метаморфозу, помогая их дряхлости, так же и я спасаю их, возвращая им второе детство, отчего стариков порой прозывают «дважды детьми». Что, если вы спросите меня, как я это делаю, я не буду стесняться и прямо отвечу вам. Я привожу их к самому истоку нашей реки Леты (ибо её исток берет начало на Счастливых Островах, а тот, другой, струящийся по Аду – всего лишь ручей по сравнению с ней), где они, как только они выпьют влаги долгого забвения, постепенно отрешаются от смятения своих умов и снова становятся молодыми.

Но, возможно, вы скажете, что они глупцы, дураки, влюблённые или несут пургу. Признаться, что с этим спорить, в этом-то как раз и заключается сущность детства, чтобы дураком и порой нести пургу. И если кто-то спорит с этим, то значит, что он ничего не понимает в жизни. Разве в этом возрасте не более счастлив тот, кто более всего глуп? Кто не зайдётся от омерзения, узрев младенца с умом взрослого человека?

Кто не согласится с пословицей:

И я не люблю детей, который слишком рано становятся мужчинами. Или кто выдержит беседу или дружбу с тем стариком, который в придачу обширному опыту вздорности присоединил равную силу ума и остроту суждений? И потому именно по этой причине старость обычно обожает то, что делает её более защищённой – глупость! Она любит созерцать меня. И всё же, несмотря на это, этот слабоумный свободен от всех забот, которые отвлекают мудрого человека, он часто становится идеальным компаньоном по пирушке, по выпивке, и таким он не чувствует того бремени жизни, которое более мужественный возраст способен ещё встречать полной грудью. И иногда, как старик у Плавта, когда он возвращается к своим трем письмам, с припиской «A. M. O. R.» он начинает ощущать себя самым несчастным из всех живущих, если к тому же он умудрился сохранить здравый ум. И тем не менее я столь здорово ему помогаю, что ему хорошо в компании друзей, где ему есть о чём поговорить, и где он свой, а не изгой какой-нибудь, ибо, по словам Гомера, его речь подобна речи Нестора и куда слаще мёда, не то, что речь Ахилла – горькая и полная злобы, а речь стариков, как он выразился в другом месте, всегда несколько витиевата. В этом отношении у старости даже есть некое

преимущество перед детством, и оно заключается в том, что в то время как дети безмолвны и лишены возможности говорить, старикам доступно самое прекрасное человеческое время-проведение – невинная болтовня.. Прибавьте к этому, что старики всегда радуются детям, а они, вторя им, радуются старикам.

«Сходные вещи сближаются!» – как-то процитировал Дьявол угольщику.

– Да и какая принципиальная разница между ними, если не считать, что у одного больше морщин и проплешин на голове, чем у другого? В остальном белизна их волос, беззубость рта, слабость тела, любовь к мягкой, прерывистой речи, болтовня, пристрастие к играм, забывчивость, неосторожность и, коротко говоря, все остальные их поступки во всём схожи. И чем ближе человек подходит к своей старости, тем больше он становится похож на ребёнка, пока наконец не превращается в самом деле в младенца и не переходит от жизни к смерти, не испытывая уже ни страха, ни усталости, ни старости, ни чувствительности младенчества.

«Плохо то дитя, которое торопится повзрослеть!»?

Глава XIV

Глупость, продлевающая Юность и изгоняющая Старость.

А теперь пусть тот, кто сравнит бонусы, которые они получают от меня, с метаморфозами, которые совершают с людьми другие Боги. Я не буду упоминать, что они делали, находясь в гневе, в капризном или дурном настроении, но где они были наиболее эффективны: они превращали одного в дерево, другого в птицу, третьего в кузнечика, четвёртого в змею или тому подобное. Как будто есть разница между гибелью твоего существа и смертью! Ну а я возвращаю тому же человеку лучшую и счастливую часть его жизни. И если бы люди воздерживались от всякой торговли и шашень с мудростью и отдавались в моё владение, владение Глупости, они никогда не узнали бы, что значит быть старым, но всегда были бы утешены очарованием вечной юности. Понаблюдайте за нашими мрачными философами, которые постоянно ломают голову над запутанными вопросами, и по большей части вы обнаружите, что они состарились прежде, чем успели побыть молодыми. И не оттого ли это происходит, что их неотвязные и беспокойные мысли угнетают их души и иссушают их жизненные соки? А мои толстые дураки, напротив, пухлые и круглые, как Вестфальская свинья, и никогда не чувствуют старости, разве только, как это иногда, но редко случается, они заражаются преступной мудростью, после которой человеку почти невозможно быть счастливым. И разве мою правоту не подтверждает пословица, которая гласит:

как это подтверждается у Бранбандцев, о которых ходит такая поговорка: «возраст, делающих одних мудрее, делает других ещё большими глупцами». И все же едва ли найдется народ, который был бы более жизнерадостен или менее чувствителен к страданиям старости, чем они. И к ним, как по положению, так и по образу жизни, ближе всего примыкают мои друзья голландцы. И почему бы мне не называть их своими, если они так усердно влекутся за мной, что их обычно называют моим именем? И при этом, учите, они очень далеки от того, чтобы стыдиться, и скорее гордятся этим. Пусть тогда глупый мир и все оклапаченные им соберутся и идут разыскивать своих Медей, Цирцей, Венер, Аврор, и я не знаю, какие ещё источники вечной молодости. Я уверена, что я единственный человек, который может и сделал это более чем хорошо. Только у меня есть тот чудесный сок, которым дочь Мемнона продлила молодость своего деда Титона. Я та Венера, по милости которой Фаон снова стал таким молодым, что Сафо влюбилась в него. Мои травы, если они еще существуют, мои чары, и мой источник, который не только восстанавливает ушедшую молодость, но, что более важно, сохраняет её навсегда. И если вы согласитесь с этим тезисом, что нет ничего лучше молодости и нет ничего отвратительнее старости, то, я думаю, вы не можете не видеть, сколь многим вы обязаны мне, сохраняющей такое великое благо и отгоняющей от мира такое великое зло

«Глупость-единственное, что удерживает молодость на расстоянии,
и удаляет старость»,

Глава XV

Кому больше всего потребна Глупость? Богам!

Но почему я трачу весь свой пыл на разговоры о смертных? Взгляни на небо кругом, и пусть тот, кто упрекает меня моим именем, найдет кого-нибудь из богов, которые не были бы зловонны и презренны, если бы не были обласканы моим причастием. Почему это, скажите на милость, Вакх всегда юн, и космат? Только потому, что он безумен и пьян и проводит свою жизнь в выпивке, танцах, пирушках и майских играх, никогда не являясь с Палладой. И, наконец, он так далек от желания считаться мудрым, что ему нравится, когда ему поклоняются с помощью смеха и игр, и он не имеет ничего против половицы, давшей ему прозвища «Дурак», «Болван», «Чучело». Его и стали-то называть Чучелом, потому что, сидя перед воротами его храма, распутные деревенские жители имели обыкновение обмазывать его физиономию молодым вином и инжиром. И разве древние комедии не закидали его с ног до головы насмешками! О, глупый Бог, говорят они, удостоился же ты родиться из бедра твоего отца! И всё же, кто не предпочел бы быть таким дураком и пьяницей, всегда веселым, всегда молодым и забавляющим других людей гораздо больше, чем Юпитер Гомера с его кривыми советами, и страшными для всех воплями, или старый Пан с его визгами, или грязный Вулкан, наполовину покрытый пеплом, или даже сама Паллада, такая ужасная с головой Горгоны, копьем и личиной, как у быка? Почему Купидона всегда изображают мальчиком? А потому, что он всегда шутник и не может ни делать, ни даже думать ни о чём в трезвом виде? Почему Венера всегда цветёт и пахнет? Из-за её близости ко мне! Посмотрите на цвет её волос, они так похожи на волосы моего отца! Вот отчего её называют Златовласой Венерой! И, наконец, обратите внимание на её звонкий смех, если вы отдаёте должное поэтам или их последователям – статуарам. Какому божеству римляне поклонялись с большей отдачей, чем Флоре, основательнице всех удовольствий? Нет, если бы вы принялись старательно выискивать самых угрюмых и мрачных богов Гомера и других поэтов, вы не нашли бы в них ничего, кроме глупости. Нужно ли мне выискивать уловки других богов, если вы достаточно знаете о распутных шашнях громающего Юпитера? А целомудренная Диана, она напрочь забыла свой пол, только для того, чтобы продолжить охотиться и быть готовой погибнуть ради Эндимиона? Но я предпочёл бы, чтобы боги слышали все это от Момуса, как это и было с незапамятных времён. Так продолжалось до тех пор, пока в одном из своих припадков гнева они не сбросили его вместе с Адой, богиней зла, головой на землю, потому что его мудрость, бесспорно, оскорбляла их незамутнённое счастье. И с тех пор ни один смертный не осмеливается дать ему пристанище, хотя, должен признаться, он мало в чём нуждался, кроме того, чтобы причаститься ко двору владык, если бы там не царил моя компаньонка Лесть, у коей с Момом не больше согласия, чем между ягнёнком и волчарой. Отсюда следует, что Боги валяют дурака совершенно свободно и при этом вполне довольны собой, «делая всё с лёгкой душой», как утверждал папаша Гомер, не имея никаких цензоров над собой. Каких только нескладух не навывдумывал пневидный, дубоголовый Приап? Каких только уловок и каверз не настрогал Меркурий, скрывая свои кражи? В каком только шутовстве не был обвинён Вулкан, своими сверкающими пятками, своей грязной мордой, своими дерзостями готовый развлекать остальных Богов? Как и старый Силен со своими деревенскими танцами, Полифем, отбивающий такт своим циклопическим молотом, нимфы с их джигами и сатиры с их выходками, в то время как Пан заставляет их щебетать от какой-нибудь своей забористой, смачной баллады, и, посмотрите, все заходятся даже сильнее, чем сами Музы, тем более, когда они до одури обопьются хмельным нектаром. Я не уверен, что нужно вообще говорить о том, что делают эти Боги, когда они пьяны в стельку? Клянусь честью, они ведут себя так глупо, что я сама едва удерживаюсь от смеха. Но в этих

вопросах нам всё же лучше подражать полунемому Гарпократу, чтобы не подслушал нас всеу какой-нибудь Бог-Шпион или кто-нибудь ещё, и не выкрал наши легкомысленные речи, которые и Момусу не пришлись бы по вкусу.

Глава XVI

Глупость, одинаково благоволящая всем Смертным

Теперь же, я думаю, что настал долгожданный момент, и мне необходимо, по примеру Гомера, предоставить Богов самим себе и немного посмотреть вниз на землю, а может быть и вернуться на неё. Здесь вы уж совершенно точно не найдёте ничего веселого или уместного, что не было бы связано с моей персоной. Так предусмотрительна была великая прародительница человечества, Матушка Природа, что позаботилась о том, чтобы не было бы ничего без примеси Глупости, так сказать, приправы глупости. Ибо если, по определению стоиков, мудрость есть не что иное, как подчинение разуму и, напротив, безумие – это отдача себя на потребу наших страстей, и ради того, чтобы жизнь человеческая не была уж совсем невыносимой и тяжёлой, то насколько больше страстей, чем разума оставил нам божественный Юпитер? Их соотношение едва ли больше, чем пол-унции на фунт. Кроме того, он ограничил разум узким закутком мозга и предоставил всё остальное тело во власть наших страстей. Он также полностью подчинил его двум злодеям, тиранящим всех своим господством – гнев, владеющий людскими сердцами, а следовательно, и самым источником жизни, самым сердцем, и похоть, распространяющая свою власть на всех окружающих. Как противостоит Разум против этих двух великих недругов, пусть скажет общий опыт, поскольку он, все еще являясь всем, может многое сделать, может взывать к нам, пока не охрипнет, рекламируя нам правила честности и добродетели, в то время как они накидывают на шею царю петлю и поднимают ужасный шум, пока, наконец, он не устанет, он не позволит нести себя туда, куда они пожелают, чтобы поскорее угомонить его.

Глава XVII

Глупость, влюбляющая Женщин в Мужчин.

Но так как мужчины, рождённые для мирских дел, имеют проблески разума в некотором смысле в гораздо большей степени, чем остальные, по элементарной причине, что им выпала необходимость как можно лучше управлять окружающими, даже в этом, так же как и в других вещах, они призывают меня к совету, и я даю им такие советы, какие достойны меня, а именно, чтобы они взяли себе жен – глупую вещичку, Боже мой, тупую, но распутную и приятную во всём, таким образом, чтобы грубость мужского характера была приправлена и подслащена женской глупостью. Ибо Платон, по-видимому, сомневавшийся в том, к какому роду отнести женщину, а именно к разумным существам или к животным, не имел в виду ничего иного, кроме как показать очевидную глупость этого пола. Потому что если какой-то из них придёт в голову казаться вдвое мудрее всех остальных, то что ей остаётся делать, как не валять дурака вдвойне, и изображать из себя танцующую корову, и не выдавать струю против ветра? Ибо если кто-нибудь корёжит Природу или попытается привести её к повиновению, то он только умножает преступление, ибо, согласно греческой пословице, «Обезьяна останется обезьяной даже в сутане!», а значит, женщина – есть женщина, то есть глупое существо, пусть надевает любой наряд, какой ей заблагорассудится.

Но, между прочим, я надеюсь, что весь этот пол не настолько глуп, чтобы обижаться на меня, ибо я сама, будучи женщиной – и глупость приписала им тоже. На самом деле я льщу им! Но если они взвесят всё правильно, они должны признать, что обязаны Глупости своей удачливостью в большей степени, чем другие люди. Во-первых, они обязаны ей своей красотой, которой все, и не без причин, отдают предпочтение, ставя её впереди всех остальных добродетелей, так как с её помощью они тиранят даже самых жутких и беспощадных тиранов. Во-вторых, откуда у мужчин этот дикий взгляд, эта грубая кожа, всклокоченная борода и другие признаки, которые говорят о наступлении старости в человеке, как будто происходящей от болячки мудрости? В то время как щёки у женщин всегда пухленькие и гладенькие, голос тихий, кожа мягкая, как будто они подвластны некоей модели вечной молодости. Опять же, чего больше всего они хотят в жизни, как не угодить мужчине? Для чего же еще нужны все эти платица, умывания, ванны, притирки, духи, благовония и все эти маленькие хитрости, долженствующие облагородить лицо, зачем они красят брови, разглаживают кожу и подчеркивают разными хитростями свои формы? А теперь скажите мне, какие еще рекомендательные письма есть у них к мужчинам, как не одно безумие? Чем им случается приковать к себе мужчин, кроме как не глупостью? Ибо чего только мужчины не позволяют им делать ради своего наслаждения! И не думайте, что у этого есть какая-то другая цель, кроме удовольствий! И всё же их глупость – самое большое наслаждение для мужчины, и самое желанное из доставленных удовольствий, и это, я думаю, столь верно, что никто не станет отрицать, размышляя о том, какие глупые разговоры и странные игры начинают происходить между женщиной и его женщиной, как только у них появляется вождение. Итак, я показала вам, откуда проистекает первая и главная радость человеческой жизни.

Глава XVIII

Нет на пиру приправы лучше, чем Глупость

Но есть и такие, скажете вы, и не из самых молодых, в основном – старички, которые ставят бутылку превыше юбок, и больше всего любят попойку в дружной компании. Если может быть какое-то большое развлечение без женщины, пусть другие участвуют в нём без меня. В этом я уверена совершенно, не было ничего приятного, чему Глупость не добавила бы очарования. Так что, если они сидят скучные и не находят повода для смеха, они посылают за «тем, кто может сделать это», или нанимают какого-нибудь шутовского льстеца, чьи нелепые речи могут поставить под сомнение серьёзность компании. Есть ли смысл забивать наши желудки лакомствами, сладостями и изысканной снедью, если наши глаза и уши, да и весь наш разум не поглощены также шутками, весельем и смехом? Но для этих вторых блюд я – единственная настоящая повариха, хотя обычные приемы наших пиршеств, такие как выбор короля, бросание костей, питье целебных напитков, хождение вокруг да около, танцы на подушке и тому подобное, были изобретены не семьёю мудрецами, а мной, Глупостью, и это тоже свершилось для общего удовольствия человечества. Природа всех этих вещей такова, что чем больше в них глупости, тем больше они способствуют расцвету человеческой жизни, которая, если бы она была непереносимой, не заслуживала бы названия «жизни», и кроме того, она не могла бы быть таковой, если бы такого рода развлечения не уничтожали Тоску и Скуку, которые по своей сути – ближайшие сородичи.

ГЛАВА XIX

Глупость – сводня друзей!

Но, допускаю, отыщутся среди вас и такие, которые пренебрегают этим способом наслаждения и находят удовлетворение в забавах своих друзей, называя дружбу самой желанной из всех вещей, даже более необходимой, чем воздух, огонь или вода, настолько восхитительной, что тот, кто изымет её из мира, тот тут же погасит Солнце, и, наконец, настолько похвальной и достойной почитания, что (если это еще что-нибудь значит для людей) сами философы никогда не сомневались в том, почитая её своим главным благом. Но что, если я покажу вам, что Я – и начало, и конец этого великого Блага? И я не стану доказывать это заблуждениями, соритами, дилеммами или другими подобными тонкостями логики, но просто ткнув в это пальцем! А теперь скажите мне, не являются ли все эти экивоки, ужимки, потакания, потребность быть слепым или обманутым относительно пороков наших друзей, нет, даже восхищаться и ценить их за несуществующие добродетели, не являются ли они, по-вашему, крайней степенью глупости? Что это такое, когда один целует веснушчатую шею своей любовницы, а другой восхищается бородавкой на её носу? Когда отец клянется, что его косоглазый ребенок прекраснее Венеры? Что это такое, говорю я, как не глупость? И так, может быть, вы будете плакать от смеха, и всё же только это объединяет друзей вместе и продолжает их объединять несмотря ни на что. Я говорю об обычных людях, ни один из которых не рождается без недостатков, и счастлив тот, кто менее всего наделён ими, ибо среди мудрых князей либо нет никакой дружбы вообще, либо, если она в какой-то форме есть, то она неминуема неприятна и скрытна, и здесь она такая же, потому что не принято в компании не говорить вообще ничего. Ибо большая часть человечества – глупцы, нет никого, кто не любил бы высокое положение, а дружба, знаете ли, редко бывает между равными. И все же, если так случится, что между ними возникнет взаимная добрая воля, то она ни в коем случае не будет надёжной и слишком длительной, то есть среди тех, кто угрюм и более осмотрителен, чем нужно, орлиный взор, впорывшийся в недостатки своих друзей, видит в них все соломинки, но настолько затуманен для своих собственных недостатков, что не обращает ни малейшего внимания на горб, который висит за плечами и не различает и бревна в своём собственном глазу. С давних пор природа человека такова, что едва ли найдется хоть один человек, который не был бы подвержен множеству заблуждений, прибавьте к этому великое разнообразие умов и занятий, столько промахов, упущений и случайностей в человеческой жизни, и как возможно, чтобы между этими Аргусами была настоящая дружба, хотя бы на час, если бы не то, что греки превосходно называют Эвтаназией? Простите, Эфивией, или Легкомысленной Глупостью, как её обзывают греки! И если вы можете кому-то воздать по глупости или по доброте душевной, то за что воздавать, вы уж выбирайте сами. Но что это? Разве источник и прародитель всей нашей любви, Купидон, не слеп, как жук? И разве для него ему уродливое не кажется порой прекрасным? Разве бы вы не ставили превыше всего свою милую родню, хотя бы нигде не было таких уродов, как в ней, и нет ничего странного, что «старик души не чаёт в своей старой жене, а мальчик в своей девочке». Такие вещи не только делаются повсюду, но всюду осмеяны, но, как бы они ни были смешны, они делают общество терпимым и как бы склеивают его.

Глава XX

Глупость, примиряющая супругов.

И то, что было сказано о дружбе, ещё в большей степени может быть обращено к браку, который на самом деле есть не что иное, как неразрывное соединение двух судеб. Боже мой! Сколько было бы вокруг разводов, или что не хуже всего, они происходили бы ежедневно, если бы не разговор между мужчиной и его женой, поддерживаемый и лелеемый Лестью, Обезьянничаньем, Кротостью, Невежеством, Лицемерием и некоторыми другими моими слугами! Ух, ну и праздник жизни! Как мало у нас было бы браков, если бы муж досконально изучил, сколько трюков проделала его хорошенькая маленькая скромница до того, как вышла за него замуж! И как мало их держалось бы вместе, если бы большая часть поступков жены не ускользала от внимания мужа из-за его пренебрежения или глупости! И за это вы также обязаны мне, благодаря чему муж благоволит своей жене, жена-своему мужу, а в доме царит покой. Над рогоносцем кто только не потешается, когда видят, что он облизывает слезы изменщицы. Но насколько счастливее быть обманутым таким образом, и ничего не знать, чем пребывать в бесконечной тревоге, исходясь ревностью, и не только мучить себя, но и превращать всё это в бесконечные скандалы!

Глава XXI

Глупость, как связующий клей двуногих.

Короче говоря, я совершенно необходима для того, чтобы все общество и образ жизни были приятны и продолжительны, и без Меня ни народ долго не терпел бы своих правителей, слуга не терпел бы своего господина, ни господин – своего лакея, ни ученый – своего наставника, ни люди друг друга, ни жена -своего мужа, ни ростовщик – заемщика, ни солдат – своего командира, друг – друга, если бы все они не имели у себя взаимодополняющих недостатков: один —был бы льстивым, другой – благоразумно поощрительным. и вообще они бы не подслащали жизнь друг друга хотя маленькой конфеткой глупости.

Глава XXII

Как самонадеянная Филавтия стала единородной сестрой Глупости.

Возможно, вам покажется, что Я поведала вам все тайны, но нет, вы услышите ещё более великие откровения. Найдёт ли общий язык с кем-то тот, кто и с собой не в ладах, полюбит ли кого-нибудь тот, кто ненавидит себя? Чего хорошего дождёшься от того, кто сам себе опротивел? Думаю, никто не скажет, что это такое возможно, а если и встречается, то это точно не глупее глупости. И все же, если вы исключите Меня из своей жизни, не найдётся человека, которого вы сможете вытерпеть, и все отрешаться, чтобы терпеть другого, что он либо был бы для вас просто неприятен, либо вонюч, либо вам сразу не пришлось по вкусу его поведение и манеры, но и этим не кончится, ибо в конце концов вы сами себе станете противны, станете ненавистны самому себе. Так как Матушка Природа во многих вещах для нас скорее мачеха, чем родная мать, видать, оттого, она наградила смертных, особенно тех, о ком не скажешь, что они глупцы, пристрастием брезговать своим собственным достоянием и восхищаться достоянием чужим. Отсюда происходит, что все естественные дары жизни, её изящество и грация развращаются и гибнут. Какая польза от красоты, величайшего блага небес, если она смешана с притворством и гнила изнутри? Какая нужда в юности, если она развращена тяжестью старческих предрассудков? Наконец, как может идти человек по всей своей жизни, сохраняя видимость благодати по отношению к себе или к другим, ибо благодать не столько искусство, сколько сама основа жизни, и как она сохранит добрый вид, если мой друг и товарищ, самолюбивая сестра Фалавтия, не будет присутствовать при сём? И она не без причины может заменить мне сестру, так как все ее усилия направлены на то, чтобы повсюду играть мою роль. Ибо что может быть глупее, чем учиться только тому, как доставить себе удовольствие? Сделать себя объектом собственного любования? И все же, что ты можешь сотворить восхитительного или захватывающего, если гладишь против шерсти и сам себе при этом не рад? Уберите соль из жизни, и оратор может забыть о силе своих речей, музыкант со всем своими мелодиями не сможет угодить никому, актёр будет сипеть со сцены, поэт и все его Музы окажутся смешны, художник с его искусством презрен, а врач со всеми его помоями будет просить милостыню на рынке. Наконец, вас примут за уродца, а не за юношу, примут за зверя, а не за мудреца, примут за ребёнка, а не за красноречивого мужа, а вместо воспитанного человека вы окажетесь клоуном. Это необходимо прежде всего любому – хвалить себя и льстить самому себе прежде, чем тебя похвалят другие.

Наконец, так как главное счастье состоит в том, что «человек хочет быть самим собой», и только самолюбивая Фалавтия может помочь в этом, обеспечив такое положение дел, что ни один человек не стыдится своего лица, своего ума, своего происхождения, своего дома, своего образа жизни и своей страны, так что горец не хочет поменяться местами с итальянцем, фракиец – с афинянином и скиф – с жителем Счастливых Островов. О, удивительна забота Природы, которая при столь великом разнообразии вещей сделала всех равными! Там, где она иногда кого-то обносила своими дарами, она вознаграждала его ещё большей любовью к себе, и хотя здесь, должна признаться, я говорю глупость, несомненно, что это был величайший из всех её даров, не говоря уже о том, что ни одно великое событие не происходило без моего покровительства и шедевры искусства не достигали совершенства без моей помощи.

Глава XXIII

Глупость – источник всех войн

Разве не война является корнем и причиной всех знаменитых предприятий? И всё же, что может быть глупее, чем война, чем пойти на такой спор, ибо я просто уверена, что обе стороны с самого начала знают, что потеряют больше, чем получают по сделке? О тех, кто убит, не будет сказано ни слова, а об остальных, когда обе стороны сшибаются друг с другом, а трубы издают отвратительный визг, – что толку от тех мудрецов, которые так измучены учёностью, когда в их жилах течёт рыба кровь? Нет, здесь скорее потребны тупые здоровяки, в которых тем больше храбрости, чем меньше ума. Разве что Демосфена сделать солдатом, который, по примеру Архилохия, бросил оружие и бросился бежать, едва увидев своего врага, такого же скверного солдата и такого же великого оратора. Но здравый разум, надеюсь, вы согласитесь со мной, не имеет ни малейшего отношения к военным делам. В общем, я согласен с этим. Но всё же дело войны не является частью философии, а управляется паразитами, сводниками, ворами, головорезами, дикарями, тупицами, транжирами и прочими отбросами человеческой породы, а не философами.

Глава XXIV

Провалы Глупости

Пусть Сократ, которого оракул Аполлона, хотя и не столь мудро, оценил как «мудрейшего из всех живущих людей», будет свидетелем того, как они не приспособлены даже к обычной беседе – однажды он выступил с какой-то речью, пытаясь сказать что-нибудь, я не знаю, что именно, на публике, и был осмеян и изгнан, и его тогда за все старания наградили только громким хохотом. Хотя в этом он не был полным дураком, он отказался от прозвища мудрый и, вернув его оракулу, высказал свое мнение, что мудрый человек должен воздерживаться от вмешательства в общественные дела, хорошо бы он вообще предостерег остерегаться мудрости тех, кто вознамерился быть причисленными к числу людей. Что, как не его мудрость сначала обвинила, а затем приговорила его к питью из отравленной чаши. Ибо, как вы можете видеть у Аристофана, он философствовал об облаках и идеях, измерял, как далеко может запрыгнуть Блоха, и восхищался тем, что такое маленькое существо, как муха, издает такое громкое жужжание, но не вмешивался ни во что, что касалось обычной жизни. Но как только его господину стала грозить смертельная опасность, то его ученик Платон, знаменитый адвокат, не смог произнести и половины фразы из-за того, что его потревожил шум народа. Что бы я мог сказать о Феофрасте, который, собираясь произнести речь, вдруг онемел, как будто встретил на своем пути волка, хотя воину это, несомненно, только придало бы силу. Или Изократ, который был настолько труслив, что никогда не осмеливался публично открыть рот? Или Туллий, великий основатель Римского красноречия, который никогда не мог начать говорить без странной дрожи и позорной икоты, как мальчик, что Фабий интерпретирует как аргумент мудрого оратора и того и доказательством осознанности его действий, потому что, де, он знает, что делает. Но когда он говорит так, разве он прямо не признаёт, что мудрость является большим препятствием для истинного управления процессом? Что бы стало с ними, подумайте головой, если бы им пришлось сражаться на мечях, когда они мертвы от страха, орудуя только пустопорожними словесами?

И после такого ещё восклицают, приводя, без сомнения, мудрую фразу Платона:

– И всё же, если вы обратитесь к историкам, вы не найдете владык, более токсичных для сообщества, чем те, где империя распласталась перед каким-нибудь философом или литератором. Как мне кажется, эту сомнительную истину опровергли оба Катона, один из которых доставал всех своими доносами, а другой, слишком хитромудро отстаивая свободу, совершенно уничтожил её. Прибавьте к этому Брута, Касия, и даже самого Цицерона, которые оказались не менее вредны для римского государства, чем Демосфен для Афинского. Кроме того, Антонин (я едва ли смогу привести пример лучшего императора, даже если попытаюсь) стал обременителен и ненавидим своими подданными только за то, что предался философии. Но, признавая его доброту, надо признать, что он причинил больше вреда Государству, оставив после себя править такого сына, который натворил столько зол, что они затмили всё добро, сделанное им. Люди, столь преданные изучению мудрости, обычно очень несчастны, но главным образом из-за своих детей. Природа, кажется, так предусмотрительно распорядилась, чтобы зло мудрости не распространилось слишком сильно среди человечества. Поэтому совершенно ясно, почему сын Цицерона был таким дегенератом, а дети мудрого Сократа, как мы хорошо знаем, больше походили на мать, чем на отца, то есть были набитыми дураками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.